

ПРИЛУЦКИЙ Александр Михайлович, доктор философских наук, профессор кафедры социологии и религиоведения Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, заведующий кафедрой философии и религиоведения Русской христианской гуманитарной академии (Санкт-Петербург). Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. 4 монографий, 4 учебников*

СЕМИОТИКА МОДАЛЬНОСТЕЙ ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА МАРГИНАЛЬНОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ

Эсхатологические дискурсы современной маргинальной религиозности, ориентированные на христианский традиционалистский паттерн, будучи в достаточной степени неизученными, представляют особый интерес для семиотического исследования. Их семиотическая специфика зависит от ряда факторов, в т. ч. от типов модальности ключевых высказываний. В данной статье выделяются и анализируются профетическая, эпистемическая, дебитивная и императивная модальности. Профетическая модальность характеризуется воспроизведением символов и метафор Апокалипсиса в контексте «современных пророчеств», продуктивностью метафор войны, которые иногда обретают сюжетность и распространяются до аллегорий, двунаправленностью семиотического дрейфа. Эпистемическая модальность раскрывается в высказываниях, которые объявляют доказанной правомочность утверждений, развивающих профетическую модальность, и опровергнутой «ложную герменевтику» теологических оппонентов, воспроизводят предположения, оцениваемые в качестве сомнительных. Ее задача – обосновать правомочность использования сомнительных с канонической точки зрения источников: пророчеств различных псевдостарцев, юродивых и т. д. Дебитивная модальность, выражающая отношение говорящего к категориям долженствования и необходимости, в дискурсах маргинальной эсхатологии представлена достаточно скромно. Она присуща большинству аскетических текстов, регулирующих отношение человека к различным «соблазнам современности». Императивная модальность используется преимущественно для усиления перлокутивного эффекта императивных высказываний, в т. ч. через включение их в эсхатологические дискурсы. Автор приходит к выводу, что модальные высказывания в исследуемом дискурсе последовательно задействуются для увеличения иллюкутивной силы эсхатологического нарратива. Данную особенность дискурса необходимо учитывать при анализе динамики религиозной ситуации.

Ключевые слова: эсхатология, семиотика религии, религиозный дискурс, маргинальная религиозность, теория семиотического дрейфа.

---

*Адрес: 191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, д. 48, корп. 20; e-mail: alpril@mail.ru

Для цитирования: Прилуцкий А.М. Семиотика модальностей эсхатологического дискурса маргинальной религиозности // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2017. № 4. С. 70–80. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.4.70

Структура религиозной семиосферы до сих пор остается малоизученной. Многие закономерности, обуславливающие формирование и воспроизведение религиозного дискурса, угадываются исследователями интуитивно, поэтому механизмы действия таких закономерностей еще ждут описания и изучения. Несмотря на то, что семиотический подход к изучению религии содержится в ряде работ отечественных ученых, обобщающие исследования по данной теме только предстоит провести. Состояние соответствующей предметной области было проанализировано в нашей монографии «Семиозис и семиодинамика теологических и мифологических знаковых систем» [1].

Среди новейших работ следует упомянуть статьи И.П. Давыдова [2], А.Ю. Рахманина [3], В.И. Ионе [4], подготовленный секцией культурологической семиотики и терминальной культурологии Российского философского общества сборник «Религия как знаковая система» [5]. Продуктивность семиотического анализа религиозных феноменов, в т. ч. маргинальных, подтверждается исследованием Д.И. Антонова и М.Р. Майзульса «Демоны и грешники в древнерусской иконографии: семиотика образа», содержание которого вопреки названию не ограничено семиотикой изобразительного текста [6].

Результаты указанных исследований позволяют сделать предварительный вывод. Семиотика религиозного дискурса отличается своего рода амбивалентностью: элементы ее структуры поочередно развивают то преимущественно символические, то метафорические и аллегорические свойства. Данное свойство семемы легло в основу современной теории семиотического дрейфа [7], основные положения которой использованы в настоящей статье.

Изучение семиотического дрейфа позволило нам ранее высказать предположение о том, что его специфика зависит не только от *жанровых особенностей религиозного текста*, его исторических контекстов и прагматики, но и от *модальностей отдельных высказываний* [8]. Иными словами, семиотический дрейф наблюдается как на категориальном (жанр, контекст,

прагматика текста), так и на субкатегориальном (модальности отдельных высказываний) уровнях. Поскольку «на уровне текста модальность можно рассматривать как категорию, в которой объективное и субъективное принципиально неразделимы» [9, с. 184], а отношение к действительности неотделимо от отношения к содержанию дискурса, предложенная методика семиотического анализа текста позволяет исследовать различные уровни модальной структуры текста и их отношения.

Маргинальная религиозность, несмотря на значимость этого явления для религиоведения, тоже не отличается хорошей изученностью. С.С. Почепцов соотносит понятие «маргинальная религиозность» с субкультурной религией [10], близких взглядов придерживается и О.Н. Римская [11]. Н.А. Сайнаков трактует маргинальность как «кризисное состояние неуверенности, неопределенности или самоопределения человека в мире», а маргинальную религиозность интерпретирует при помощи концепции кризиса идентичности [12, с. 100]. Интересен подход А.К. Погасия, определяющего маргинальную религиозность как разнovidность конкурентных дискурсов [13], что в целом соответствует семиотическому пониманию данного явления. Однако специфические черты маргинальной эсхатологии в его работе не анализируются.

Эсхатологические дискурсы современной маргинальной религиозности, направленные на христианский традиционалистский паттерн, чрезвычайно важны для семиотического исследования. Во-первых, они обладают богатым семиотическим материалом и при этом отличаются достаточной репрезентативностью, что позволяет использовать их для проверки теоретических положений семиотики религии. Во-вторых, будучи продуктом синкретической религиозной культуры, совмещающей компоненты теологической и мифологической религиозности [10], они являются хорошим материалом для герменевтических исследований специфики современного религиозного мифотворчества, в котором наблюдается трансформация теолога в мифологема.

Наконец, анализ современной маргинальной эсхатологии с точки зрения ее семиотической структуры актуален и по другим причинам. По меткому наблюдению Э. Дэвиса, эсхатологическая аффектация, проявляющаяся в параноидальной интерпретации символизма товаров и символических систем современного общества, образует определенную творческую систему [14, с. 433], способную влиять на поведение людей. Так, знаменитое дело «пензенских затворников» хорошо показывает, к каким драматическим последствиям может привести эсхатологическая проповедь харизматического лидера, некритически воспринимаемая его приверженцами. Существуют подобные тенденции и в среде канонического православия. Например, на сайте Почаевской Лавры был опубликован текст эсхатологического содержания со ссылками на высказывания так называемого чебаркульского отрока, что вызвало недоумение среди православных теологов¹.

Если традиционная народная эсхатология отличается «большой гуманностью» по сравнению с книжной [15, с. 37], то современная маргинальная православная эсхатология уделяет особое место описанию предстоящих ужасов, страданий и мучений, развивает модальность страха, и это усиливает перлокутивный эффект соответствующих текстов. Очевидно, что гармонизация религиозной ситуации невозможна без изучения радикально настроенными верующими специфики действия герменевтических механизмов интерпретации упомянутых символических систем современного общества.

Решение поставленной задачи предполагает использование как собственно семиотических методов, так и дискурс-анализа и методов анализа логических и лингвистических модальностей высказываний, того, что в терминологии Г.Г. Почепцова можно определить как базовый эсхатологический нарратив [16, с. 70], который реализуется в реальных и мнимых пророчествах «старцев» и «старниц», дискурсах

церковного просторечия, интернет-публикациях неопитов, листовках, проповедях и т. д.

Апробируемая нами комбинированная методика исследований вполне соответствует современному состоянию предметного поля религиоведения: классические исследовательские парадигмы, в т. ч. классические герменевтические, исчерпали свой научный потенциал и требуют существенных модификаций. Полагаем, что дополнение семиотического исследования элементами анализа модальностей будет новым, плодотворным исследовательским методом для религиоведения. Как показал Д.А. Головушкин, «религиозный фундаментализм и религиозный модернизм – это амбивалентные феномены, способные активно взаимодействовать друг с другом и сближаться в содержательном плане» [17, с. 96]. На примере эсхатологических дискурсов маргинальной религиозности, обычно оперирующей фундаменталистскими идеологемами и мифологемами, отмеченная амбивалентность представлена вполне отчетливо.

Профетическая модальность выступает, безусловно, одной из основных для эсхатологического дискурса. Христианский эсхатологический профетизм восходит к ряду ветхозаветных и новозаветных текстов, среди которых наиболее значимым в плане формирования дискурса является Откровение св. Иоанна Богослова (Апокалипсис). Собственно апокалипсический паттерн считается базовым для христианской эсхатологии, причем ее интерпретации, свойственные теологическому мейнстриму и маргинальным обществам, отличаются преимущественно на уровне герменевтики символов и метафор Апокалипсиса, а не базовых концептов. Выраженный традиционализм языка религии [18] способствует принципиальной устойчивости апокалипсической символики.

Однако маргинальные религиозные сообщества, отличающиеся выраженной апокалипсичностью, как правило, задействуют

---

¹ Пикалев А., *свящ.* Конец света на сайте Почаевской Лавры? URL: <http://www.anti-raskol.ru/pages/2148> (дата обращения: 01.06.2017).

герменевтические механизмы, позволяющие интерпретировать в эсхатологическом контексте элементы современного идеодискурса, актуальные социально значимые события, катастрофы как природного, так и техногенного происхождения.

Так, войны, природные бедствия, техногенные катастрофы типа Чернобыльской аварии интерпретируются как знамения начавшегося исполнения предсказаний Апокалипсиса. При этом используются пророческие тексты второго уровня: пророчества различных «старцев» и «тайновидцев», апокрифические агиографические тексты, различные псевдографы, которые выполняют функцию герменевтической легализации интерпретации элементов современного идеодискурса в контексте веры в начавшееся исполнение апокалипсических предсказаний. Последнее связано с традицией православной экзегетики, предполагающей обращение к патристическим текстам в качестве авторитетного доказательства верности того или иного прочтения библейских текстов. Поскольку патристические источники без существенного нажима на текст обычно не позволяют легализовать подобное прочтение, а иногда и явно запрещают его, возникает необходимость в формировании иной системы герменевтических доказательств, что и обеспечивается обращением к авторитету различных «старцев» (часто воспринимаемых как еще не прославленных святых Новейшего времени), апокрифическим и псевдографическим текстам.

В плане семиотики пророческая модальность в эсхатологическом дискурсе маргинальной религиозности отличается:

1. Воспроизведением символов и метафор Апокалипсиса в контексте «современных пророчеств». Например: Чернобыль – звезда Польнь; ООН – антихрист (как вариант – престол антихриста); Евросоюз – коллективный антихрист; партия «Единая Россия» – антихрист; штрих-код – «число зверя»; получение нового паспорта – принятие начертания числа зверя и т. д.

2. Продуктивностью метафор войны, которые иногда обретают сюжетность и распространяются до аллегорий. Например: «Идет духовная, официально не объявленная, информационная война»²; «Уже сейчас, пока подавляющее большинство людей, в том числе пастьрей, духовно спит, идет, самая настоящая, духовная битва с антихристом»³; «Он в силах приостановить победное шествие зла»⁴; «Идет самая настоящая духовная битва с антихристом, и побеждает в ней тот, кто зряч. А зрячими оказываются единицы»⁵; «И даст им Господь оружие на супостатов, и преодолют они врагов, и затем приклонятся пред ними все народы живущие, и возникнет умирное Богом царство»⁶; «...кто сражался не с орудиями и порождениями древнего человекоубийцы, а с самим источником всякого зла»⁷. В итоге «печатные издания борцов с Антихристом представляют собой информационные сводки с фронтов»⁸.

3. Двунправленностью семиотического дрейфа. Семиотически значимые элементы развивают символические и метафорические свойства – это первое направление дрейфа. Здесь усиление эсхатологизма сопровождается трансформацией метафор в символы уже начавшегося исполнения апокалипсических

---

²Святые угодники божии о последних временах / сост. Л. Очай. URL: <https://nasledie77.wordpress.com/2014/12/12/святые-угодники-божии-о-последних-вре/> (дата обращения: 01.06.2017).

³Там же.

⁴Там же.

⁵Старец Христофор Тульский: пророчества о последних временах. URL: <https://nasledie77.wordpress.com/2014/08/05/старец-христофор-тульский-пророчест/> (дата обращения: 01.06.2017).

⁶Православные старцы о будущем России. URL: <http://bgm.org.ru/archives/2710> (дата обращения: 01.06.2017).

⁷Там же.

⁸Савченко С. Эсхатологическая чуткость или апокалиптический испуг: Церковь перед угрозой нового раскола. URL: <http://www.anti-raskol.ru/pages/1337> (дата обращения: 01.06.2017).

предзнаменований. Тенденция к данному дрейфу свидетельствует об усилении эсхатологического настроения, которое в итоге или разрешается в когнитивном диссонансе сродни мировоззренческому кризису «пензенских затворников», или переходит в фазу угасания. В последнем случае символы трансформируются обратно в метафоры, не предполагающие онтологической связи денотата и сигнификата.

Как известно, эсхатологический нарратив обладает значительной иллюкативной силой [19, с. 117], возрастающей по мере трансформации метафор в символы. Так, символическая интерпретация утверждения «Евросоюз есть антихрист» (символический паттерн) предполагает, что в структурах Евросоюза символически воплотился предсказанный в Апокалипсисе антихрист, а значит, надо бежать, спастись и т. д. Например: «...он (антихрист. – А. П.) уже воцарился в Евросоюзе, щупальца его проникают всюду и невидимо отравляют мир, зомбируя человечество и лишая воли людей»⁹. После прочтения такого высказывания остается бежать из городов, уходить в затворничество и т. п.

Во втором случае – при метафорической интерпретации – данное высказывание сводится к указанию на то, что ЕС в духовном отношении есть вредная для христианства организация, почти столь же пагубная, как и предсказанный антихрист: «Все это (современная политическая реальность. – А. П.) дает нам право говорить о ЕС и США как об антихристианской, антихристовой силе»¹⁰. Слово сочетание «дает право» здесь выступает маркером метафоричности. Иными словами, утверждается не онтологическое тождество, но лишь наличие отдельных свойств – явление само по себе неприятное, отчасти даже пугающее, но в общем-то

не столь уж и трагическое. После такого высказывания бежать и спастись еще не нужно.

Данный семиотический дрейф хорошо зафиксирован в публицистическом дискурсе. Представление о том, что анализируемые высказывания могут выступать как в качестве символа, так и метафоры, зафиксировано в следующем тексте: «Некоторые религиозные секты уже давно называют ООН коллективным “антихристом”. И сегодня это наименование организации, которое от имени всего человечества несет предательство, смерть и разрушение, нельзя назвать слишком метафоричным»¹¹.

Второе направление семиотического дрейфа раскрывается как трансформация метафоры до аллегории и наоборот. С усилением эсхатологизма в субкультуре маргинальной религиозности оно непосредственно не связано (не случайно ряд исследователей полагает, что данное явление выступает не столько теологической, сколько *культурной* проблемой¹²) – оно позволяет решать чисто прагматические задачи. Таким образом обеспечивается включение в эсхатологический дискурс новейших пророческих текстов (метафора Апокалипсиса становится основанием для аллегории в новейшем пророческом тексте, и через это последний включается в апокалипсический дискурс). Благодаря этому возрастает авторитет пророчеств анонимных и малоизвестных «старцев», которые как бы ретроспективно приобщаются к духовному авторитету Апокалипсиса св. Иоанна Богослова и включаются в квазибиблейский контекст.

Эпистемическая модальность, передающая оценку говорящим достоверности транслируемой им информации, – одна из наиболее сложных для анализа. В эсхатологическом дискурсе

---

⁹Тайна беззакония и новый мировой порядок: листовка. Хранится в архиве автора.

¹⁰Карамышев С. ЕС и США как коллективный антихрист. URL: <http://rusprav.tv/es-i-ssha-kak-kollektivnyiy-antihrist-809/> (дата обращения: 01.06.2017).

¹¹Иванченко П. «Коллективный антихрист» санкционировал новый геноцид. URL: <http://img.segodnia.ru/content/12891> (дата обращения: 01.06.2017).

¹²Августин (Маркевич), архиеп. Современные проблемы церковной жизни, связанные с эсхатологией. URL: <http://www.anti-raskol.ru/pages/984> (дата обращения: 01.06.2017).

маргинальной религиозности она представлена высказываниями, которые:

- объявляют правомочность утверждений, развивающих пророческую модальность, доказанной;

- объявляют «ложную герменевтику» теологических оппонентов опровергнутой;

- воспроизводят предположения, оцениваемые как сомнительные.

Основаниями, позволяющими говорящему быть уверенным в достоверности транслируемой информации, в указанных случаях являются не столько данные органов чувств, фоновые знания, но обращение к мнениям религиозных авторитетов – прежде всего различных «старцев», слово которых в этом дискурсе воспринимается не только некритически, но «многими приравнивается к Библии, а некоторыми ставится еще выше»¹³.

Следует согласиться, что вера говорящего в истинность пропозиции зависит от того, как он оценивает обоснованность своего суждения [20, с. 69], т. е. от принятых способов аргументации и сформированной системы авторитетов. В этом отношении субкультура маргинальной религиозности характеризуется «схоластическим» подходом к способам аргументации: оцениваются не свидетельства, а сами свидетели.

Мнение «старцев» и апелляция к их авторитету формируют эпистемические гарантии и позволяют говорящему рассматривать модализованное суждение как обладающее высшей обоснованностью. Даже идущие вразрез с очевидностью высказывания типа «Видишь, как темно, колдунье затемнило. Я еще раньше говорила: скоро будет темно, станете носом торкаться. Зимой светило солнце, а нынче и летом не светит – запрещение читают колдуны на солнце. Волшебники помра-

чили небо, чтоб их дела не очень видны были, они любят темноту»¹⁴ воспринимаются как обладающие высшей обоснованностью. Ответить на тираду «Ничего не вижу: как светило солнце, так и светит» означает не только проявить предосудительный скептицизм и греховное неверие словам блаженной «старицы», но и фактически выйти за пределы коммуникативной системы данной субкультуры.

Среди высказываний, передающих эпистемическую модальность, наиболее интересны те, которые содержат отсылки к «старцам» – авторитетным истолкователям апокалипсических пророчеств в контексте современности. Для усиления эпистемической валидности используются метафоры сакральности и безошибочности, выводящие высказывания из-под возможной рациональной критики. Например: «Мужи и Старцы, обладающие даром различения духов, сразу поняли апокалипсический характер русского бунта. Поэтому Старцы наши не только совесть России – мы ждем от них откровения о безошибочном духовном пути в сегодняшние трудные дни, зажигаем лампадки от сердечного огня»¹⁵.

Иногда для обоснования особого эпистемического статуса слов «старца» создаются сложные семиотические конструкции, чьи элементы не имеют фиксированного семиотического значения, и это позволяет интерпретировать их в соответствии с обстоятельствами. Например: «В час ночи забрала Самуила душой огнеобразная Няня – Премудрость Божия – и отнесла на Второе Небо, где вскоре увидел он в продолговатом круге неприступного золотого Света Пресвятую Троицу и услышал слова: – Самуил, Божия воля совершается в тебе, ты от сего часа еси – священник Бога Вышняго»¹⁶.

¹³Ереси и раскольнические тенденции внутри Русской Православной Церкви. URL: <http://hram-troicy.prihod.ru/pseudopravoslavie/view/id/1171967> (дата обращения: 01.06.2017).

¹⁴Пророчества старцев, война и три великих чуда. URL: <http://earth-chronicles.ru/news/2014-03-10-61176> (дата обращения: 01.06.2017).

¹⁵Ильинская А. Старцы о последних временах. URL: <http://www.zaistinu.ru/proroch/antichrist/olders.shtml> (дата обращения: 01.06.2017).

¹⁶Жизнеописание старца Самуила. Апостол от семидесяти. URL: <http://mybiblioteka.su/tom2/1-53613.html> (дата обращения: 01.06.2017).

Таким образом, духовный авторитет «старца» становится неоспоримым независимо от онтологического статуса «события»: последний умышленно не определяется в дискурсе. В итоге данный текст может интерпретироваться и как историческое событие, и как описание некоего «духовного опыта», что при необходимости затруднит квалификацию текста как еретического.

Дебитивная модальность, выражающая отношение говорящего к категориям долженствования и необходимости, обеспечивает языковое отражение восприятия мира с позиции необходимости следования традициям, нормам, правилам и предписаниям.

В дискурсах маргинальной эсхатологии данная модальность проявляется скромно, ее семиотическое выражение оказывается относительно простым. Отчасти это связано с тем, что специфика эсхатологической реальности в восприятии верующих мало зависит от действий отдельного человека: действия могут иметь скорее сотериологическое значение, и именно с ним обычно соотносятся дебитивные высказывания. Поэтому дебитивная модальность свойственна большей части аскетических текстов. Например: «...как важно в жизни своей поменьше видеть и поменьше слышать, пореже бывать в чужих краях и почаще исповедоваться, не растекаться мыслью по окружающему нас тварному миру, внимать себе и всему происходящему именно с собой, а не с кем-либо другим. Поменьше любопытствовать и поменьше принимать помыслов от дьявола, который все делает для того, чтобы обмануть человека и любым путем затащить его в картинку, напрочь лишив возможности быть ее держащим»¹⁷.

Семиотическая структура подобных текстов достаточно бедна, обыкновенно она исчерпывается несколькими метафорами или аллегориями,

которые используются, как в приведенной цитате, для описания традиционного (предписанного) поведения человека «не растекаться мыслью»¹⁸, «внимать себе», «поменьше принимать помыслов». Иногда аскетические предписания носят настолько странный характер, что ставят под сомнение серьезность авторских намерений. Таково предписание исповедовать «все виды и оттенки барабанного боя, биения, булькания, бекания, визга, воя, воркования, вздохов, выдвигания <...> улюлюкания, фыркания, фукания, хохота, хихиканья, харканья, хрюканья, хрипа, храпа, хныканья, хруста, цоканья, царапания, цекания, чавкания, чмокания, чирикания, чокания, шаркания, шума, шороха, шелеста, шепота, шуршания, шипения, щелчков и щебетания»¹⁹. Провокативная бессмысленность данного текста позволяет рассматривать его как ироническую аллегория, поскольку трудно представить человека, на полном серьезе кающегося в карканьи и чирикании.

В контексте сказанного вполне традиционными представляются требования воздерживаться от различных ересей (в первую очередь – от экуменизма), почитать Царя-искупителя, окормляться у «старцев», иногда – не иметь общения с каноническими структурами Московского Патриархата. Семиотическим богатством эти пассажи не отличаются.

Императивная модальность, реализуемая прежде всего в побудительных предложениях, обладает в анализируемом дискурсе значительным модальным потенциалом и перлокутивностью.

Семиотический инструментарий, усиливающий императивность, достаточно разнообразен. Иногда на основе императивных высказываний создаются целые семиотические комплексы, обычно включающие в себя метафоры

---

¹⁷Исповедь. Путь покаяния. Исповедь звуков и обоняния. URL: <http://tainadiveevo.ru/put-pokayaniya-ispoved-zvukov-i-zarahnov> (дата обращения: 01.06.2017).

¹⁸Сходство с известным местом из «Слова о полку Игореве» в данном случае не принципиально. Оно связано с тем, что метафора «растекаться мыслью» стала достаточно популярной и воспринимается вне связи с изначальным историко-поэтическим контекстом.

¹⁹Исповедь. Путь покаяния. Исповедь звуков и обоняния.

и символы, объединенные в риторические структуры по аллегорическому паттерну. Например: «Ближних же своих спасайте, сколь можете – тех, кто еще слышать может. Не гнушайтесь ни старым, ни малым – даже капля святости, пролитая в душу ближнего, даст вам воздаяние»²⁰. Четыре последовательные метафоры («кто может слышать», «капля святости», «пролитая в душу», «капля <...> даст воздаяние») усиливают сотериологическую интенцию высказывания, выраженную в форме императива «спасайте ближних»: он понимается как приобщение их к соответствующей субкультуре.

Иногда подобные риторические структуры могут использоваться для включения эсхатологической проблематики в конспирологический дискурс. Например: «О, какая страсть! К киоскам книжным и газетным близко не подходите! Сколько же книг чародейных и колдовских под руководством евреев выпускают во всем мире?! Скоро и у нас горами будут лежать! Что будет твориться на Русской Земле?! Какая скорбь надвигается на нас впереди?!»²¹ Императив «близко не подходите» получает логическое обоснование через соотнесение традиционного эсхатологического концепта «надвигающаяся скорбь» с конспирологическим утверждением о выпуске евреями колдовских книг во всемирном масштабе. В данном случае эсхатологический символизм «надвигающейся скорби» логически обоснован метафорой колдовского засилья – «горами будут лежать».

Как мы видим, в исследуемом дискурсе модальные высказывания используются последовательно, чтобы усилить иллюкативную силу эсхатологического нарратива. Это свойство дискурса следует учитывать, изучая динамику религиозной ситуации.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что эсхатологический дискурс маргинальной религиозности православного

паттерна организуется благодаря взаимодействию текстов, выражающих преимущественно профетическую, эпистемическую, дебитивную и императивную модальности. При этом именно профетическая модальность является основной, а профетические тексты выполняют в рамках анализируемого семиотического пространства интегрирующую функцию.

Отличительная черта текстов данного типа – их подчеркнута мифологический характер: в них практически отсутствует теологическая рефлексия, зато выражены мифологемы, прежде всего конспирологические. И это неслучайно. Профетическая модальность достаточно вариативна: она позволяет трансформировать теологемы в мифологемы, создавая условия для формирования особой эмотивности дискурса, пронизанного страхом перед грядущими эсхатологическими событиями, апостасией, «предателями», различными заговорами темных сил. Иллюкативная сила конспирологической мифологии усиливается при помощи высказываний, передающих эпистемическую и императивную модальности. Последние служат цели убедить адепта в истинности эсхатологических предсказаний «старцев» и «прозорливцев» и через это повлиять на поведение верующих, усилить эсхатологическое напряжение, способствовать отвержению авторитета канонической иерархии, крайне критично относящейся к эсхатологическим мифам, сформировать замкнутое субкультурное пространство.

На примере сектантской субкультуры последователей бывшего епископа Диомида или «пензенских затворников» можно показать, что в плане семиозиса отличие маргинальных православных субкультур от православной культуры проходит на уровне разграничения мифологического и теологического дискурсов. Трансформация эсхатологических теологем в мифологемы создает предпосылки для формирования особого семиотического пространства маргинальной религиозности, отличающейся

---

²⁰Преподобный Феодосий Кавказский чудотворец. URL: <http://3rm.info/ortodox/5201-prepodobnyj-feodosij-kavkazskij-chudotvorec.html> (дата обращения: 01.06.2017).

²¹Пророчества Пелагеи Рязанской. URL: <http://www.zaweru.ru/pravila/1497-.html> (дата обращения: 01.07.2017).

тяготением к текстам пророческой модальности. В результате этого не только формируются контуры эсхатологического мифа, но и актуализируется его содержание в религиозном праксеисе повседневности. Обращение

к методам анализа модальностей позволяет выявлять специфику маргинальных религиозных субкультур с точки зрения особенностей их семиозиса, что является одной из актуальных задач современного религиоведения.

Список литературы

1. Лебедев В.Ю., Прилуцкий А.М. Семиозис и семиодинамика теологических и мифологических знаковых систем. М., 2010. 400 с.
2. Давыдов И.П. Семиотика религии и функциональный анализ текста Юлии Кристевой в свете религиоведческой проблематики // Science, Technology and Life – 2016: Proc. 3rd Int. Sci. Conf. / ed. by prof. A.M. Arzumanjan, Karlovy Vary – Moscow, 24–25 December 2016. Karlovy Vary; Kirov, 2016. С. 221–230.
3. Рахманин А.Ю. Семиотические аспекты процедуры определения (на примере определений религии) // Вестн. Рус. христиан. гуманист. акад. 2014. Т. 15, вып. 4. С. 200–211.
4. Ионе В.И. Семиотика «смерти бога» как выражение идеологии самообожествления в текстах представителей церкви «нового мышления» // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Е: Пед. науки. 2016. № 7. С. 40–46.
5. Религия как знаковая система: знак, ритуал, коммуникация: сб. науч. ст. / сост. В.Ю. Лебедев, А.М. Прилуцкий. Тверь, 2011. 153 с.
6. Антонов Д.И., Майзульс М.Р. Демоны и грешники в древнерусской иконографии: семиотика образа. М., 2011. 384 с.
7. Лебедев В.Ю. К вопросу о верифицируемых закономерностях трансформации семантики религиозного ритуала // Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер.: Филология. 2009. Т. 29, вып. 4. С. 85–94.
8. Прилуцкий А.М. Метафорика религиозного ритуального дискурса // Религия. Церковь. Общество: исслед. и публ. по теологии и религии. 2013. Вып. 2. С. 21–38.
9. Вольникова Е.А., Семенова С.Р. О текстообразующей роли модальности в текстах различных стилей // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2015. Т. 2, № 1(23). С. 183–187.
10. Почепцов С.С. Религиозные субкультуры: проблема взаимосвязи с субкультурными религиями // Науч. вед. Белгород. гос. ун-та. Сер.: Философия. Социология. Право. 2011. № 8. С. 104–109.
11. Римская О.Н. Субкультуры и субкультурные религии в постсекулярную эпоху // Наука. Искусство. Культура. 2016. Вып. 2(10). С. 76–83.
12. Сайнаков Н.А. Маргинальность как понятие. Методологические перспективы в историческом исследовании // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2013. № 375. С. 97–101.
13. Погасий А.К. Конкурентные религиозные дискурсы в социально-исторической эволюции русского православия: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2013. 45 с.
14. Дэвис Э. Техногнозис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху. Екатеринбург, 2007. 480 с.
15. Филатов М.В. Эсхатологические традиции русского народа // Вестн. Моск. гос. ун-та леса – Лес. вестн. 1999. № 3. С. 31–38.
16. Почепцов Г.Г. Нарративный инструментальный воздействия // Верхневолж. филол. вестн. 2015. № 3. С. 69–74.
17. Головушкин Д.А. Религиозный фундаментализм/религиозный модернизм: концептуальные противники или амбивалентные феномены? // Вестн. Православ. Св.-Тихон. гуманист. ун-та. Сер. 1: Богословие. Философия. 2015. Вып. 1(57). С. 87–97.
18. Ересько М.Н. Язык религии: философско-когнитивный анализ: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2008. 42 с.
19. Липатова А.П. К вопросу о жанровой природе эсхатологического рассказа // Традиц. культура. 2011. № 4. С. 115–125.
20. Смурова О.В. Степень уверенности и обоснованность как компоненты значения эпистемических модальных операторов // Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. 2011. Вып. 633. С. 67–78.

References

1. Lebedev V.Yu., Prilutskiy A.M. *Semiozis i semiodinamika teologicheskikh i mifologicheskikh znakovykh sistem* [Semiosis and Semiodynamics of Theological and Mythological Sign Systems]. Moscow, 2010. 400 p.
2. Davydov I.P. Semiotika religii i funktsional'nyy analiz teksta Yulii Kristevoy v svete religiovedcheskoy problematiki [Semiotics of Religion and Funktsional'nyy Analysis of the Text by Julia Kristeva in the Light of Religious Studies]. *Science, Technology and Life – 2016: Proc. 3rd Int. Sci. Conf.* Karlovy Vary, Moscow, 24–25 December 2016. Karlovy Vary, Kirov, 2016, pp. 221–230.
3. Rakhmanin A.Yu. Semioticheskie aspekty protsedury opredeleniya (na primere opredeleniy religii) [Semiotic Aspects of Definition (the Case of Defining Religion)]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii*, 2014, vol. 15, no. 4, pp. 200–211.
4. Ione V.I. Semiotika “smerti boga” kak vyrazhenie ideologii samoobozhestvleniya v tekstakh predstaviteley tserkvey “novogo myshleniya” [Semiotics of the “Death of God” as an Expression of the Ideology of Self-Deification in the Writings of Representatives of the Churches of “New Thought”]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. E: Pedagogicheskie nauki*, 2016, no. 7, pp. 40–46.
5. Lebedev V.Yu., Prilutskiy A.M. (comps.). *Religiya kak znakovaya sistema: znak, ritual, kommunikatsiya* [Religion as a Sign System: Sign, Ritual, Communication]. Tver, 2011. 153 p.
6. Antonov D.I., Mayzul's M.R. *Demony i greshniki v drevnerusskoy ikonografii: semiotika obraza* [Demons and Sinners in the Old Russian Iconography: Image Semiotics]. Moscow, 2011. 384 p.
7. Lebedev V.Yu. K voprosu o verifitsiruemykh zakonornostyakh transformatsii semantiki religioznogo rituala [On the Issue of Verifiable Regularities of Transformation in Religious Ritual Semantics]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologiya*, 2009, vol. 29, no. 4, pp. 85–94.
8. Prilutskiy A.M. Metaforika religioznogo ritual'nogo diskursa [Metaphorics of Religious Ritual Discourse]. *Religiya. Tserkov'. Obshchestvo* [Religion. Church. Society]. 2013. Iss. 2, pp. 21–38.
9. Vol'nikova E.A., Semenova S.R. O tekstoobrazuyushchey roli modal'nosti v tekstakh razlichnykh stiley [About Textbuilding Importance of Modality in Texts of Different Styles]. *XXI vek: itogi proshlogo i problemy nastoyashchego plyus*, 2015, vol. 2, no. 1, pp. 183–187.
10. Pocheptsov S.S. Religioznye subkul'tury: problema vzaimosvyazi s subkul'turnymi religiyami [Religious Subculture: Problem of the Relationship with Subcultural Religions]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*, 2011, no. 8, pp. 104–109.
11. Rimskaya O.N. Subkul'tury i subkul'turnye religii v postsekulyarnuyu epokhu [Subcultures and Subcultural Religion in a Post-Secular Era]. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura*, 2016, no. 2, pp. 76–83.
12. Saynakov N.A. Marginal'nost' kak ponyatie. Metodologicheskie perspektivy v istoricheskom issledovanii [Definition of Marginality. Methodological Perspectives in Historical Studies]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no. 375, pp. 97–101.
13. Pogasiy A.K. *Konkurentnye religioznye diskursy v sotsial'no-istoricheskoy evolyutsii russkogo pravoslaviya: avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk* [Competitive Religious Discourses in the Socio-Historical Evolution of Russian Orthodoxy: Dr. Philos. Sci. Diss. Abs.]. St. Petersburg, 2013. 45 p.
14. Davis E. *TechGnosis: Myth, Magic, and Mysticism in the Age of Information*. New York, 1998 (Russ. ed.: Devis E. *Tekhnognozis: mif, magiya i mistitsizm v informatsionnuyu epokhu*. Yekaterinburg, 2007. 480 p.).
15. Filatov M.V. Eskhatologicheskie traditsii russkogo naroda [Eschatological Traditions of the Russian People]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta lesa – Lesnoy vestnik*, 1999, no. 3, pp. 31–38.
16. Pocheptsov G.G. Narrativnyy instrumentariy vozdeystviya [Narrative Impact Tools]. *Verkhnevolzhskiy filologicheskii vestnik*, 2015, no. 3, pp. 69–74.
17. Golovushkin D.A. Religioznyy fundamentalizm/religioznyy modernizm: kontseptual'nye protivniki ili ambivalentnye fenomeny? [Religious Fundamentalism / Religious Modernism: Conceptual Adversaries or Ambivalent Phenomena?]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Ser. 1: Bogoslovie. Filosofiya*, 2015, no. 1, pp. 87–97.
18. Eres'ko M.N. *Yazyk religii: filosofsko-kognitivnyy analiz: avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk* [Language of Religion: A Philosophical-Cognitive Analysis: Dr. Philos. Sci. Diss. Abs.]. Moscow, 2008. 42 p.

19. Lipatova A.P. К вопросу о жанровой природе эсхатологического рассказа [On the Genre Nature of the Eschatological Story]. *Traditsionnaya kul'tura*, 2011, no. 4, pp. 115–125.

20. Smurova O.V. Stepen' uverenosti i obosnovannost' kak komponenty znacheniya epistemicheskikh modal'nykh operatorov [The Degree of Certainty and Validity as Semantic Components of Epistemic Modal Operators]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki*, 2011, no. 633, pp. 67–78.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.4.70

Aleksandr M. Prilutskiy

The Herzen State Pedagogical University of Russia;
Russian Christian Academy for the Humanities;
nab. r. Moyki 48, korp. 20, St. Petersburg, 191186, Russian Federation;
e-mail: alpril@mail.ru

SEMIOTICS OF MODALITIES OF THE ESCHATOLOGICAL DISCOURSE OF MARGINAL RELIGIOSITY

Being insufficiently studied, eschatological discourses of contemporary marginal religiosity, which are based on the traditionalist Christian pattern, are of particular interest for semiotic research. Their semiotic specificity depends on a number of factors, including the types of modality of key statements. This paper singles out and analyses the following types of modality: prophetic, epistemic, debitive, and imperative. Prophetic modality is characterized by the reproduction of symbols and metaphors from the Book of Revelation in the context of “modern prophecy”, by productivity of war metaphors (which can grow to become allegories) and by two-directional semiotic drift. Epistemic modality is found in utterances which validate the statements developing prophetic modality and refute “false hermeneutics” of theological opponents, as well as reproduce assumptions that are considered as questionable. Epistemic modality is used to impart credibility to questionable, in canonical terms, sources: prophecies of pseudo-elders, God’s fools, etc. Debitive modality, which expresses the speaker’s attitude to the categories of obligation and necessity, is rather poorly presented in the discourses of marginal eschatology. It is inherent in most ascetic texts regulating a person’s attitude toward various “temptations of the present day”. Imperative modality is used primarily to enhance the perlocutionary effect of imperative statements, often by including them in eschatological discourses. The author comes to the conclusion that modal statements in the discourse under study are consistently used to increase the illocutionary force of the eschatological narrative. This feature should be taken into account when analysing the dynamics of the religious situation.

Keywords: *eschatology, semiotics of religion, religious discourse, marginal religiosity, theory of semiotic drift.*

Поступила: 27.09.2016
Received: 27 September 2016

For citation: Prilutskiy A.M. Semiotics of Modalities of the Eschatological Discourse of Marginal Religiosity. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2017, no. 4, pp. 70–80. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.4.70